

...ОДЕССКИЙ оперный театр. Во второй или третий раз идет здесь премьерный спектакль «Июльское воскресенье» композитора Владимира Рубина. Пышная архитектура зала, сияющего позолотой, яркой обивкой кресел, огнями люстр, словно спорит с мрачной серо-черной гаммой красок на сценической площадке, где вот-вот начнут разворачиваться события грозных военных лет — взятый из жизни реальный эпизод, когда маленькая группа отважных бойцов героически стояла насмерть на подступах к Севастополю, отражая бешеный натиск врагов.

Среди зрителей — двести участников обороны Севастополя. Они специально приехали на премьеру, потому что это о них — об их друзьях, соратниках, однополчаных — рассказывает музыка Рубина, рассказывает спектакль. Обобщенный образ советского солдата встает перед зрителями, солдата-героя, несущего идею красоты и высокого нравственного долга. Музыка звучит возвышенно, эмоционально приподнято, искренне, без риторики и ложного пафоса. Поэтому так взволнована публика, глубоко переживая, веря в правду происходящей на сцене трагедии. В творчестве этого композитора щедрая фантазия (а Владимир Рубин порой весьма дерзок в своих замыслах!), смелый полет мысли всегда «сбалансированы» разумом, художественным чутьем, тактом, высокой профессиональной культурой и, главное, предельной зыскательностью к себе, ясностью цели — для кого и во имя чего сочиняется музыка.

Сказанное не дифирамбы таланту Рубина, не попытка утверждать, что все у него безупречно, «эталонно». Нет. Гладкость, ровность в искусстве — самый большой бич. Плох тот художник, который не рискует, который думает лишь об успехе, ибо без ошибок нет открытий, без падений — взлетов, вершин. Известные истины. Так что речь идет о другом — о точной самоориентации, о строжайшем самоконтроле, о культуре творческого труда, о предельной осознанности поставленных перед собой художественных задач. Всего этого Владимиру Ильичу Рубину хватает с избытком, к какому бы жанру он ни обращался.

А круг его жанровых интересов весьма обширен. Мы, критики, очень любим раскладывать все по полочкам, «сортировать», классифицировать, «вычислять в процентах» чего

написано автором больше, чтобы определить, к какому «цеху» его приписать. В отношении Владимира Рубина это весьма затруднительно: какому жанру он отдает предпочтение? К чему более тяготеет? Я бы ответить не смогла, хотя знаю его очень хорошо. Что скажет сам герой?

— Ну что можно ответить на это? Вы же сами знаете, что делю я свои интересы — поровну-непоровну — между самыми разными областями музыкального искусства. Наверное, чем устанавливать мою «жанровую принадлежность», важнее обратить внимание на две четко разграниченные сферы или два очага, из которых параллельно очерчены самостоятельные линии — музыка для детей и о детях и музыка «взрослая». В этом, думаю, особенности моего восприятия действительности: как бы два жизненных среза, два ключа — светлый, чистый, оптимистичный, свойственный детству, и драматичный, полный противоречий, конфликтов — «взрослый».

В самом деле, написано Рубиным музыки очень много, разнообразнейшей: три оперы (все они получали сценическое воплощение), пять ораторий (среди них «Песни ветровые» по Блоку и «Сны революции» на слова Луговского); большое количество хоровых партитур; создано более 40 радиальных спектаклей; музыка ко многим кино- и телевизионным фильмам.

Так, оперная биография началась с «Трех толстяков». Композитор придумал образам высокую символику, решил их многомерно, масштабно, наполнил эту великолепную сказку еще большей романтикой. И она обрела долголетие, получила несколько режиссерских прочтений, лучшее из которых принадлежит Наталии Сац в руководимом ею Московском музыкальном театре для детей и (по приглашению известнейшего мастера оперной сцены В. Фельзенштейна) в берлинской «Комише-опер».

И вот второй срез в музыкально-сценическом жанре — «Июльское воскресенье» — музыкальная трагедия. Композитор (он же автор либретто, созданного на основе литературного материала Л. Толстого, А. Твардовского, А. Платонова, текстов русских народных песен, документальных записей фронтовиков) решает тему нравственного величия, мужества, героической стойкости советского воина не декларативно, а в лирическом повествовании, в сфере внутренних душевных переживаний действующих лиц.

МУЗЫКА ПОЭЗИИ И ПОЭЗИЯ МУЗЫКИ

Отталкиваясь от конкретных персонажей, конкретных событий, от живой жизни, живого человека, Рубин обобщает образы и события, доводит их до символов, стремясь утвердить свое понимание оперного театра как театра поэтического. Наверное, это было достаточно убедительно сделано, если «Июльское воскресенье» отмечено Государственной премией РСФСР имени М. Глинки.

Еще определеннее его принципы выявлены в «Крылатом всаднике» (опера по мотивам Федерико Гарсиа Лорки). Жизнь Поэта, судьба Поэта, стихи Поэта, его нравственные устои и принципы — из этого складываются произведение и спектакль о бессмертии искусства, которое не убить. В литературной ткани либретто, написанного самим композитором и поэтом С. Богомазовым, причудливо сплелись строки Лорки, Пушкина, Гете, Блока, Пастернака, Булгакова, Светлова, Кулиева.

— Мне видится театр поэтического мышления в абсолютном единстве музыки и слова, в целостности их поэти-

ческого ощущения, осмысления. Не арифметическая сумма — музыка плюс слова, а их органическое соединение. Это самое важное. Ведь из всех искусств именно музыка, как ни одно другое, способна раскрыть внутренний мир человека, его душевное состояние. И ближе всего в этом смысле к музыке поэзия. Настоящая поэзия и настоящая музыка — могучий заряд для воздействия на души и умы слушателей, зрителей.

Сейчас я дописываю оперу «Каштанка», и текст известнейшего рассказа тоже «омыт» у меня стихами восемнадцати поэтов чеховских времен. Понимаете, ни в одном из своих оперных сочинений я не стремилась к фабульному построению. Меня часто обвиняют в отсутствии действия в музыкально-сценических произведениях, говорят, что театру, театральному зрелищу подобное противопоставлено. А я именно таким вижу современное оперное сочинение. Театр для меня — трибуна, кафедра, с которой я разговариваю с людьми о сущности жизни, назначения человека в этой жизни. Душевное со-

стояние людей в постоянном движении, и как раз музыка и поэтическое слово способны раскрывать эти глубинные процессы, служить высоким целям.

Меня всегда удивляет, как удается Владимиру Ильичу в поисках новых форм, новых средств художественной выразительности не залезать в дебри повадий, не усложнять свое письмо какими-либо хитроумными псевдооткрытиями, не позволяющими «простым смертным» воспринимать его музыку. Нет, он прост, он удивительно прост в своей музыкальной речи (прост, но не простоват, не упрощен), он общителен, хотя в операх его использована сложная система лейтмотивов, трансформирующихся в соответствии со сценическими ситуациями; тонкостью и изысканностью отличаются его оркестровые партии, он использует многочисленные ансамблевые эпизоды, которые обычно трудны для восприятия. Однако в основе интонационного строя его музыки — песенность, русская песенность и в операх, и естественно, в хоровых сочинениях.

Именно в песенности он видит действительную возможность находить пути к сердцам людей, завоевывать аудиторию. Это совсем не означает, что Рубин избегает сложных современных звучаний, что не обращается к музыкальным комплексам, теряющим тональные связи — это легко обнаружить в том же «Крылатом всаднике», — различные музыкальные пласты. Однако, повторяю, не для того, чтобы «пококетничать» ими, показать свое искусство владения стилями, свое мастерство, профессионализм, включает он их в музыкальную ткань партитуры, а потому, что того требует та или иная художественная задача.

— Скажу честно, меня всегда коробит, когда высокий профессионализм оказывается «на службе» профессии. Это неправильно: он нужен, высокий профессионализм (в композиторском деле, как и во всяком другом), но он должен быть незаметен и служить высшим идеалам, а не «обслуживать» самого себя.

В этих словах — вся человеческая и художническая сущность этого музыканта, его глубокое и честное отношение к своему композиторскому труду, его платформа, принципы творчества. Ох, как не любит этот человек говорить о своих успехах, хвастать ими! И все же напомним, что пять раз — на международных конкурсах хоровой музыки в Берлине, Будапеште, Хельсинки, Варшаве, Москве — он стал обладателем первой премии. Композитор прекрасно знает законы хорового письма, владеет его секретами, широко осведомлен в современной хоровой литературе, знает и очень любит старинную музыку этого жанра. Очень часто он обращается к русской народной поэзии.

— Я воспринимаю русскую народную поэзию как высший язык, высшее достижение поэтического слова. Мне кажется, народная поэзия — грандиозный фундамент всего искусства, необычайно действенный сегодня. Думаю, мне очень помогло, с точки зрения силы воздействия на публику, использование в «Июльском воскресеньи» вместе с прозой Андрея Платонова и стихами Александра Твардовского народных слов. В цикле «Весенние песни» для детского хора — все слова народные. Кстати, в детских хорах, песнях я с особой зыскательностью отношусь к поэтическим текстам: мне представляется очень важным воспитывать художественные вкусы подрастающего поколения на большой литературе. Для взрослого хора, точ-

нее для мужского, я написал недавно веселую и озорную шутейную сцену «Встань, батюшка». Капелла имени Юрлова готовит премьеру оратории «Аленушкины сказки» на слова Ивана Бунина (для большого хора, сопрано и ударных инструментов). Из вокальных сочинений за последнее время написал «Гусарские песни» на стихи Дениса Давыдова для баса в сопровождении рояля, скрипки и виолончели — своего рода воспоминание о великом времени, об отваге русского гусара. Постоянно пишу детские хоры — это одно из моих композиторских пристрастий.

Сколь велико это его пристрастие, я вочию убедилась весной этого года на концерте детского хора Центрального телевидения и Всесоюзного радио, которым руководит Виктор Попов. По существу, это был авторский концерт Владимира Рубина, хотя как авторский концерт он в афишах не значился. Какое же многообразие вокальных жанров, сюжетов, образов, характеров, даже стилей продемонстрировал здесь композитор. И никакая скидка на детское исполнительство и детскую слушательскую аудиторию!

Все, кто бывал в доме Владимира Ильича, знает, что в его кабинете около письменного стола висят три фотографии — три портрета, как он объясняет, его наставников. Александр Борисович Голденвейзер, «мой учитель, на первых рук которого я получила мысли и чувства великих деятелей русской культуры»; Павел Александрович Ламм — «первооткрыватель подлинного Мусоргского»; Георгий Васильевич Свиридов — «под чьим непосредственным воздействием формировалось мое мировоззрение, моя художническая позиция».

Природное дарование и редкая серьезность, редкая ответственность в отношении к избранной профессии, его умение черпать из книги жизни актуальные темы, актуальные сюжеты, которые становятся предметом их художественного претворения в музыку — вот слагаемые композиторского таланта. А музыка его активно живет на театральных сценах, в концертных залах, постоянно звучит по радио и в телевизионных передачах — для композитора это самое главное!

М. ИГНАТЬЕВА.

● Композитор В. Рубин.